

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.15393/j9.art.2021.9783

Концепт «кутейник» в русском литературном обиходе

Г. М. Запальский

*Лаборатория исследований церковных институций,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: zapalsky@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена понятию «кутейник», распространившемуся в пореформенной России. В качестве материала использованы толковые, исторические, диалектные и др. словари, художественная, публицистическая литература, эго-документы. Проанализировано несколько параллельных процессов, связанных с эволюцией этого понятия в XVI–XX вв.: замена нейтральной семантики на пейоративную, после чего в ряде случаев возвращение к нейтральной; переход слова из церковной лексики в простонародную, затем в общелитературную и, наконец, в устаревшую; расширение его значения — от маркировки одной из категорий церковнослужителей, которые готовили кутью, до всех «церковников», а затем до духовенства в целом и до всех людей, происходящих из духовного сословия. В статье подробно рассмотрена история понятия, причем не только с точки зрения лингвистики, но и в привязке к социальным процессам. Период распространения понятия «кутейник» как пейоратива (XVIII — первая треть XX в.) соответствовал времени формирования духовного сословия и наследственности в духовной среде, а также обособления внутри нее «высшей страты» (священников) и «низшей страты» (диаконов и церковнослужителей). Дворяне, крестьяне и духовные лица вкладывали в слово «кутейник» разные оттенки смысла. Если для первых двух групп слово носило явно пейоративный характер (по разным мотивам) и служило маркером отчуждения, то в лексике духовенства оно могло быть и пейоративом, и нейтральным самоназванием. Сословные, т. е. наследственные, механизмы делали востребованными пейоративы, в которых акцент переносился с духовного, пастырского служения клириков на специфическую еду, то есть на быт, который складывался в однородной социальной среде и контрастировал с бытом других сословий.

Ключевые слова: духовенство, духовное сословие, церковнослужители, священники, кутейник, пейоратив, коллективное самосознание

Благодарность: Исследование осуществлено в 2020–2021 гг. в рамках проекта Лаборатории исследований церковных институций «Парадигма христианского священства и ее трансформации в истории и современности» при поддержке Фонда развития Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Для цитирования: Запальский Г. М. Концепт «кутейник» в русском литературном обиходе // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 4. С. 215–233. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9783

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2021.9783

The Concept of ‘Kuteynik’ in Russian Literature

Gleb M. Zapalsky

*Laboratory of Research of Church Institutions,
St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: zapalsky@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the notion of ‘kuteynik’, which spread around post-reform Russia. Explanatory, historical, dialect and other dictionaries, fiction literature, publicistic works and ego-documents are used as sources. Several concurrent processes associated with the evolution of this term in the 16th — 20th centuries are analyzed: the switch from neutral semantics to pejorative and the occasional return to neutral; its transition from church lexicon to vulgar, then to literary and at last to archaic language; the expansion of its meaning — from a certain churchman who cooked ‘kutia’ to all the lower-tier clerics and then to all clergy and the people with clerical roots. The history of this notion is analyzed in detail for the first time, not only in linguistic terms, but also in connection with social processes. The period of expansion of the term ‘kuteynik’ as pejorative (18th — early 20th centuries) was the time of clergy’s establishment as a class with hereditary traditions and isolated higher stratum (priests) and lower stratum (deacons and lower clerics) with in it. Nobles, peasants and clerics used the notion of ‘kuteynik’ in different meanings. For the first two groups it was a pejorative term (for different reasons) and a marker of exclusion, while clerics could use it both as pejorative and as a neutral word. The author assumes that hereditary mechanisms created a demand for pejoratives that shifted the focus from the spiritual, pastoral clerical service to specific foods, It concentrated on everyday life, which had its specifics in the homogeneous social environment and was in contrast with the traditions of other strata.

Keywords: Orthodox clergy, clerical estate, lower clerics, priests, ‘kuteynik’, pejoratives, collective consciousness

Acknowledgments: The research was carried out in 2020–2021 within the framework of the project of the Laboratory for Research of Church Institutions “The paradigm of the Christian Priesthood and its transformation in history and modernity” with the support of the Development Fund of the St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities.

For citation: Zapalsky G. M. The Concept of 'Kuteynik' in Russian Literature. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 215–233. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9783 (In Russ.)

В классической русской литературе нередко можно встретить слово «кутейник» (и производные от него), уже вышедшее из употребления и требующее пояснений для современных читателей.

Оно относится к пейоративам — большой группе слов и словосочетаний с отрицательной коннотацией, которая может выражать насмешку, неодобрение, пренебрежение, осуждение, презрение и т. д. Существует немало лингвистических работ, посвященных пейоративам и пейоративной лексике в русском и в других языках [Грищенко, Николина], [Доля], [Коваленко], [Лескина]. В. И. Карасик разработал классификацию таких слов, в соответствии с ней «кутейника» следует отнести к специальным пейоративам (имеющим в виду конкретные свойства объекта), а внутри них — к субъективным (обозначающим людей иного круга, расовые, национальные, социальные и прочие ярлыки) [Карасик: 271–272]. Е. А. Земская в своей статье 1957 г. посвятила несколько страниц непосредственно понятию «кутейник» и проследила некоторые закономерности [Земская]. Опираясь прежде всего на толковые словари, исследовательница рассмотрела его в группе слов, поменявших значение в первой половине XIX в., и указала на изменение стилистической окраски. Из церковно-книжной лексики понятие перешло в сферу разговорной речи, став насмешливым, пренебрежительным обозначением церковников или семинаристов.

Помимо лингвистических работ для этой темы имеют значение труды по социальной истории, посвященные духовенству, и по истории понятий [Козеллек], [Леонтьева], [Мангилева]. Духовенство XVIII — начала XX в. получает всестороннее освещение в трудах Г. Фриза. Он описывает формирование особой субкультуры духовенства и в то же время обращает внимание на его значительную неоднородность, разобщенность, обособление священнослужителей от церковнослужителей, а также на критическое отношение других сословий к семинаристам [Freeze, 1977; 1983]. Л. Манчестер в своей монографии

раскрывает образ жизни и мировоззрение такой специфической категории, как поповичи, а также взгляд на них со стороны [Манчестер]. Б. Н. Миронов рассматривает духовенство среди других сословий Российской империи и приходит к выводу, что сословные черты в нем развились очень глубоко. Разбирает он и взаимные отношения священника и паствы — как правило, неприязненные [Миронов]. Однако во всех этих работах концепт «кутейник», если и упоминается, то очень кратко, без попытки анализа.

Изучение множества упоминаний слова «кутейник» в литературе разных жанров, а также в толковых, исторических, диалектных и др. словарях разных эпох позволяет проследить его сложную, многоступенчатую эволюцию. Оно далеко не сразу приобрело пейоративную семантику. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» упоминается много связанных с кутьей слов, значительное их большинство приходится на тексты XVI–XVII вв.¹ Существовали разные варианты приготовления кутьи из разных круп, вокруг нее образовались устойчивые традиции. «Кутейником» или «кутейщиком» называли разновидность церковнослужителя, ведающего приготовлением кутьи. Кроме того, «кутейник» — особое место в церкви, где ставят кутью (в частности, такое значение несколько раз упоминается в «Стоглаве»²), а «кутейня» — место, где ее готовят. В источниках можно встретить «кутейные блюда», «кутейные сосуды», «кутейные лошки» и пр.

Упомянутые слова носили нейтральный характер и касались достаточно узкой сферы церковного быта. Отголоском этой терминологии в ряде словарей XIX в. стало слово «кутейник» (с пометой «старинное») в значении места в храме, где ставилась кутья³.

В XVIII в. профессиональный термин «кутейник» вышел из употребления и уступил место социальному с пейоративным оттенком. Произошел перенос этого понятия с конкретной специализации церковнослужителей на всех церковнослужителей, зафиксированный в первом издании «Словаря Академии Российской» (1789–1794). Там «кутейник» появляется вместе с «кутейницей» и определяется как «всякой церковник, потому что церковники по отправлении панихиды обыкновенно первые кутью едят»⁴.

Упоминания «кутейников» в текстах XVIII в. адресованы именно «церковникам». Если в одном тексте встречаются и священно-, и церковнослужители, «кутейниками» называют только последних. Наиболее ранние упоминания приходится на интермедии (интерлюдии) — небольшие шуточные пьесы первой половины столетия, которые разыгрывались между актами основного драматического действия (как правило, духовного содержания). Интермедии создавались в духовной среде — при духовных школах, в т. ч. Славяно-греко-латинской академии [Морозов: 59–62, 330, 334, 338] [Русская драматургия: 43–44, 344], [Белоусов: 165]. «Церковные» персонажи встречаются в них часто, и дьячок неизменно получает бранные прозвища, связанные с кутьей: «Прямой ты кутейник», «Тфу кутья толконна, плешь», «Ну кутья!», «дьячишко! могилня муха!»⁵. Последний эпитет показывает, что похоронная тема устойчиво сопровождала церковнослужителей, и не только в виде кутьи.

Поэт екатерининской эпохи В. П. Петров в стихотворении «К... из Лондона» высмеял подбор персоналий из «Опыта исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова (1772): «Игумен тут с клюкой, тут с мацами батырщик; / Здесь дьякон с ладаном, там пономарь с кутьей...»⁶. Сразу несколько категорий духовенства получают у Петрова свои «родовые знаки». Характерно, что среди них нет приходского священника, а сам поэт был сыном иерея.

Можно предположить, что перенос значения понятия «кутейник» с профессионального на социальное мог произойти в самой духовной среде. И первыми, кто стал обобщенно называть всех дьячков и пономарей «кутейниками», могли быть священники. У них связанная с кутьей терминология была в постоянном употреблении и при этом ассоциировалась с их младшими по рангу помощниками. Использование насмешливого пейоратива для обозначения всех церковнослужителей к тому же возвышало иереев в собственных глазах и сопутствовало их обособлению от низших клириков. Между этими двумя группами и так существовал разрыв, обусловленный таинством рукоположения, правом совершать таинства, разными доходами и пр. В XVIII в. он был усугублен наследственностью, семинарским образованием, политикой государства, приближавшего

церковнослужителей по правовому положению к мирянам [Freeze, 1977: 20–22, 102–103]. Добавим, что в ту же эпоху в Греции наблюдалось интересное схожее явление — там распространилось аналогичное выражение «колливады» (от слова «коливо» — кутья) с негативной семантикой, и тоже в духовной среде. Так монахов — сторонников движения в защиту святоотеческого предания называли их противники [Родионов].

В XIX — начале XX в. разобщение внутри приходского духовенства только нарастало, отчасти прикрываясь общим служением и формальным этикетом. В художественной литературе продолжают встречаться примеры, когда священники называют «кутейниками» именно церковнослужителей. В рассказе писателя, происходившего из духовного звания, Ф. М. Решетникова «Никола Знаменский» (1867) священник сообщает:

«Из Березова в Подгорск поехали со мной один кутейник, востроглазый такой парень, да еще какой-то поп. <...> Кутейник позвал меня к себе, ну, я и поехал, а у него в горнице пятеро кутейников было, да один дьякон какой-то»⁷.

Параллельно слово «кутейник» проникло в крестьянскую среду. В словарях конца XVIII — первой половины XIX в. (начиная со «Словаря Академии Российской») оно сопровождается пометой «простонародное» или «народное»⁸. Понятие отразилось во многих народных пословицах и легендах, зафиксированных в XIX в. В сборнике «Пословицы русского народа» В. И. Даля приводятся следующие:

«Вари кутью, а кутейники сами придут», «Была бы кутья, а кутейники сами придут», «Где чует кутью, туда идет», «Кутейники (поповичи) дергачи, если с медом калачи», «Кутейники дергоноги: не нашли пути дороги», «Кутейники беспрозванцы»⁹.

В Словарь русских народных говоров попали употреблявшиеся во многих губерниях слова «кутейник», «кутермин» (дьячок, пономарь), «кутехлёб», «кутьехлёб», «кутёс» (лицо духовного звания). Для всего духовенства были применимы собирательные выражения «кутьё», «кутья», «кутья прокислая», «кутья кисла на ниточке повисла», «кутья несоленая»¹⁰.

Н. А. Некрасов в своих поэмах передает крестьянский язык и понятия. В «Коробейниках» (1861) баба обрушивается на пришедших в село торговцев-коробейников:

«А потом и коробейников
Поругала баба власть:
“Принесло же вас, мошейников!
Вот уж подлинно напасть!
Вишь вы жадны, как кутейники,
Из села бы вас колом!..”¹¹.

В «Кому на Руси жить хорошо» (1863–1877) есть еще один пример:

«Однако делать нечего,
По времени приладились
И к новому писцу.
Тот ни строки без трешника,
Ни слова без семишника,
Прожженный, из кутейников —
Ему и Бог велел!»¹².

С. П. Подъячев, сам происходивший из крестьян, в очерке «По этапу» (1903) передает беседы арестантов-крестьян. Они спрашивают у старика, который говорит о Боге:

«Кто?.. Звание твое?.. Мужик, мещанин? Кутейник?.. <...> Что он, из духовных, что ли?»¹³.

Из многочисленных примеров можно заключить, что в крестьянской среде развивалось пейоративное значение термина, который стал одним из маркеров отчуждения крестьян от духовенства. Причем от духовенства в целом, так как «кутейниками» в народе стали звать и дьячков, и дьяконов, и попов, и поповичей, не вдаваясь в подробности. То есть в XIX в. произошло расширение значения понятия.

Для крестьян, очевидно, указание на кутью и другие блюда символизировало жадность духовенства, обжорство, страсть к наживе, обогащению за счет народа, в том числе за счет народной беды. На последнее понимание указывают народные поговорки:

«Один хлеб попу, одна радость — что свадьба, что похороны», «Кому мертвец, а нам товарец», «Поп хочет большого прихода, а сам ждет не дождется, когда кто помрет»¹⁴.

В случае с похоронами традиционно адресуемое священникам обвинение в поборах принимало наиболее острые формы. Кутья, которую обычные люди ставили на стол по редким печальным, и при этом ритуальным, поводам, для духовных, включая иереев, была рядовым, повседневным блюдом. Не исключено, что в этом виделась профанация сакральной трапезы, а на священников падали не только нравственные, но и религиозные обвинения. По крайней мере часть народных пословиц связывают иереев с нечистой силой:

«Не тому Богу попы наши молятся», «При церквах проживают, а волю дьявольску совершают», «Стоит ад попами, дяками да неправедными судьями»¹⁵.

Постепенно ассоциировать духовенство с кутьей стали и дворяне. Один из первых известных случаев — пьеса «Недоросль» (1781) Д. И. Фонвизина. Среди ее героев встречается простодушный дьячок Кутейкин. Не доучившись в семинарии, он подал «в консисторию челобитье, в котором прописал: “Такой-то де семинарист, из церковничьих детей, убожая бездны премудрости, просит от нея об увольнении”. На что и милостивая резолюция вскоре воспоследовала, с отметкою: “Такого-то де семинариста от всякаго учения уволить: писано бо есть, не мечите бисера пред свиньями, да не попрут его ногами”»¹⁶.

Особенно часто в произведениях дворян эпитет «кутейник» встречается с середины XIX в. Благодаря начавшейся с этого времени волне упоминаний в художественных, публицистических произведениях, мемуарах и письмах понятие из простонародной лексики перешло в общелитературную. Характерно, что в «Словаре церковно-славянского и русского языка», составленном II отделением Императорской Академии наук (1847), слово «кутейник» впервые приводится без пометы «народное» или «простонародное», что подтверждает проникновение слова в более широкий языковой горизонт¹⁷.

П. И. Мельников-Печерский через слово «кутейник» демонстрирует чувство сословного превосходства старого

дворянства над духовенством. В рассказе «Старые годы» (1857), где действие периодически переносится в XVIII в., князь Алексей Юрьич Заборовский называет так архимандрита, предельно эмоционально реагируя на его увещевания:

«Хоть ты и архимандрит, а выходишь дурак, да и тот дурак, кто тебя, болвана, архимандритом сделал!.. <...> Ты, кутейник, ты не можешь понять, что такое значит шляхетская честь!.. Да еще не просто шляхетская, а княжеская... Мы Гедеминово рожденье!.. Этого в пустую башку твою не влезет, хоть ты и в Киеве обучался!.. Все вы едино — одна жеребьячьа порода!.. Не понять вам чести дворянской!.. Смерды вы, в подлости рождены, в подлости и помрете, хоть патриархами сделай вас!..»¹⁸.

В «Бабушкиных рассказях» (1858) того же автора застрявшая в прошлом героиня сетует:

«Нынче барин из знатного, родословного рода с мещанином аль с кутейником на одной ноге себя ставит — он, дескать, ученый. Да коли он ученый, так ученость его пущай при нем и остается, никто у него ее не отнимет, — да в дворянский-то круг ему подло-рожденному зачем лезть?.. Место, что ли, ему там?»¹⁹.

Как и у крестьян, в языке дворян в XIX в. значение слова распространяется на все духовенство и на людей, связанных с ним происхождением. С. Т. Аксаков в своих воспоминаниях (1856) свидетельствует, что мать «терпеть не могла семинаристов, в чем совершенно соглашался с нею мой отец, который называл их кутейниками»²⁰. В романе А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» (1863) дворянин Бакланов, прощаясь с чиновником Проскриптским, обменивается с ним колкостями. Первый говорит себе под нос: «Кутейник!», а второй шепчет: «Барченок!»²¹.

Иногда значение понятия расширялось еще больше, затрагивая социальные группы, «сочувствующие» духовенству. А. И. Герцен в письмах 1856 г. с раздражением отзывается о журнале славянофильского направления «Русские беседы» и, в частности, о статье Т. И. Филиппова, происходившего из мещан и с духовенством не связанного:

«...я боюсь лая кутейников и подлецов — они не камнями сражаются, а навозом <...>. Говорю это потому, что прочитал в “Русских беседах” их семинарские намеки»²².

Аналогичное расширение, пусть и в шуточной форме, встречаем в «Пестрых письмах» (1884–1886) М. Е. Салтыкова-Щедрина. Герой поступил чиновником особых поручений к важному лицу и «чуть было опять не сделался западником, потому что важное лицо не любило славянофилов и называло их кутейниками»²³.

Некоторые авторы открыто выступали против предрассудков по отношению к духовенству или показывали, как их герои-дворяне сдерживаются, чтобы не употребить обидное выражение. Здесь будет уместна цитата из «Войны и мира» (1863–1869) Л. Н. Толстого:

«То обстоятельство, что Сперанский был сын священника, которого можно было глупым людям, как это и делали многие, пошло презирать в качестве кутейника и поповича, заставляло князя Андрея особенно бережно обходиться с своим чувством к Сперанскому, и бессознательно усиливать его в самом себе»²⁴.

В рассказе И. Г. Прыжова «Он и она» (1865) богатая вдова признается герою:

«Мне не нравится ваш приятель <...> Молодость ли его виновата в этом или общество, где вырос он (она хотела сказать: кутейник!), но только все его манеры и привычки ужасно грубы... Вы знаете, я люблю свободу обращения, но вольность его доходит до неприличия»²⁵.

С другой стороны, эти примеры свидетельствуют о силе предубеждений, раз уж борьба с ними требовала специального описания.

Итак, для дворян, как и для крестьян, использование слова «кутейник» было признаком отчуждения от духовенства. Но в данном случае кутья символизировала не жадность или обжорство, а грубую пищу и связанные с ней грубые нравы, невоспитанность, отсутствие светских манер, бедность, низкое образование, «подлое» происхождение, противопоставленное благородному родословию дворян. Ряд продуктов, ассоциируемых с клириками, может быть продолжен. Скажем, И. С. Тургенев в одном разговоре критически высказался о публицистах из семинарской среды:

«Им завидно, что их вырастили на постном масле, и вот они с нахальством хотят стереть с лица земли поэзию, изящные искусства,

все эстетические наслаждения и водворить свои семинарские грубые принципы»²⁶.

Очень характерно, что аристократы и на деле предпочитали не делить трапезу с иереями. П. П. Семенов-Тянь-Шанский вспоминал, что лишь «очень немногие из помещиков обходились ласково со священниками и во время чаепитий и завтраков сажали их за один стол с собою. Остальные отсылали попов за особый стол, угощая их простым вином и простыми закусками»²⁷.

Во второй половине XIX — начале XX в., на которые приходится значительное большинство литературных упоминаний «кутейников», можно говорить об обострении конфликта двух сословий. И оно было обусловлено не только сословной замкнутостью, наследственностью, разным образованием и бытом. Как раз в 1860-х гг. в результате Великих реформ дети священников получили право покидать свое сословие, и с этого времени в России начала складываться альтернативная интеллигенция духовного происхождения. Она сразу вступила в конкуренцию с дворянской интеллигенцией за лидерство в обществе. Во многом потому дворяне, ранее относившиеся к духовенству высокомерно, стали остро реагировать, и чаще не на священников, а на поповичей как на своих соперников, которые шли на государственную службу, в сферу образования, в литературу, стремясь пересоздать окружающий несправедливый мир [Манчестер: 11–12, 14–16, 46–47, 70–72, 87–91].

Под влиянием расширения понятия «кутейники» в XIX — начале XX в. оказались и сами священники. Мы видели, что они в тот период по-прежнему могли называть так церковнослужителей. Одновременно иереи и представители их семей стали применять этот эпитет и к себе. Порой это было связано с неприязнью к своему происхождению, стыдом за него. Бывший архимандрит Феодор (Бухарев) в автобиографии подчеркивает, что в нем, «природном кутейнике, внимательный наблюдатель всегда находил меньше известного духа кутеизма, чем и в таком его товарище, который в духовное звание и образование привзошел отвне»²⁸. Таким образом, этот известный богослов изобретает наукообразный термин «кутеизм»,

явно наделяя его отрицательным значением. Характерно, что на момент создания текста автор снял с себя священный сан и монашество.

Применение самоназвания «кутейник» могло выглядеть и как иллюстрация отношения к духовенству со стороны других сословий, за которой прослеживалась обида на несправедливое принижение. Образцы таких высказываний дает герой Н. С. Лескова отец Савелий Туберозов. В «Божедмах» (1868) он обращается к жене городничего:

«— Но что ж, мой друг... Скажи ты мне... Я все же ведь кутейник, груб, а ты, как женщина, ты это лучше понимаешь: что ж их всех этих женщин тянет к этим шаболдаям?»²⁹.

В итоговой версии романа-хроники «Соборяне» (1872) отец Савелий вопрошает воображаемого писателя:

«Известно ли тебе, что мизерная жизнь сего попа не скудна, но весьма обильна бедствиями и приключениями, или не думаешь ли ты, что его кутейному сердцу недоступны благородные страсти и что оно не ощущает страданий?»³⁰.

Иногда слово «кутейники» использовалось и как уже усвоенное и не вызывающее обиды самоназвание. Н. А. Добролюбов в письме к отцу-священнику из института в 1853 г. упоминает, что один из его товарищей-студентов тоже «из кутейников»³¹. В подобных примерах эпитет уже не содержит пейоративной семантики. Косвенно это указывает на его укорененность в языке, привычность.

Многое изменилось после революции. В 1930-х гг. пейоратив «кутейники» уже воспринимался как устаревший, именно с такой пометой он вошел в «Толковый словарь русского языка» (1935–1940) Д. Н. Ушакова³². Но все же это слово продолжало использоваться в первые десятилетия после 1917 г. Во-первых, в семьях священников его могли применять в воспоминаниях о дореволюционном прошлом. Во-вторых, как ни парадоксально, но советская власть, сразу после революции официально упразднив сословия, отчасти способствовала сохранению сословности до 1930-х гг. Это касалось и людей с одобряемым пролетарским происхождением, и «лишенцев». Введение категории «лишенцев», к которым относились, в частности,

«духовные служители церквей и религиозных культов», не только ограничивало их права, но и помогало им сохранить сословную самоидентификацию. Им просто не давали забыть о собственных корнях. Актер, сын священника Е. А. Лебедев вспоминал: «Нам, кутейникам, учиться можно было только до четвертого класса». Другие мальчики били его и его брата палками по голове и дразнили их: «Эй ты, поп, попенюк, кутейник!»³³.

Итак, понятие «кутейник» проделало за несколько столетий впечатляющую эволюцию, в которой можно выделить несколько параллельных процессов: замена нейтральной семантики слова на пейоративную, после чего в ряде случаев возвращение к нейтральной; его переход из церковной лексики в простонародную, затем в общелитературную и, наконец, в устаревшую; одновременное расширение его значения — от маркировки одной из категорий «церковников» до всех церковнослужителей, а затем до духовенства в целом и до всех людей, происходящих из духовного сословия. При этом чем шире применялось понятие, тем условней оно становилось, отрываясь от конкретного блюда и становясь метафорой.

Многочисленные случаи употребления показывают, что дворяне, крестьяне и духовные лица вкладывали в понятие «кутейник» разные оттенки смысла. Если для первых двух групп слово носило явно пейоративный характер (по разным мотивам) и служило маркером отчуждения, то в лексике духовенства оно могло быть и пейоративом, и нейтральным самоназванием.

Период распространения понятия «кутейник» как пейоратива (XVIII — первая треть XX в.) не случайно соответствует времени формирования духовного сословия и наследственности в духовной среде, а также обособления внутри нее «высшей страты» (священников) и «низшей страты» (диаконов и церковнослужителей) с отдельной наследственностью в каждой из групп. Эти процессы сопровождались складыванием особого сословного самосознания в священнических и церковнослужительских семьях. После революции механизм передачи приходов по наследству разрушился, но вынужденному сохранению самоидентификации со своим происхождением

способствовало существование до 1930-х гг. категории «лишенцев», в которую, в частности, попали священники и их семьи.

Можно предположить, что сословные, т. е. наследственные, механизмы делали востребованными пейоративы, в которых акцент переносился с духовного, пастырского служения клириков на специфическую еду, то есть на быт, который складывался в однородной социальной среде, куда почти не проникали чужаки, и контрастировал с бытом других сословий. Сын священника и воспитанник духовной школы И. И. Введенский отмечал в 1830-х гг.: «Нигде, мне кажется, духовенство так резко не отличается от мирян, как в России. У нас каждое из <...> сословий имеет собственные свои приемы, свои обычаи, даже свою собственную нравственность»³⁴.

В качестве параллелей стоит обратиться к пейоративным или экспрессивным этнонимам, многие из которых тоже связаны с традиционной едой. Французов в разных языках, в том числе в русском, называют поедателями лягушек, итальянцев — макарон, немцев — колбасы и т. д. Можно сказать, что необычные пищевые предпочтения другого народа нередко становятся метафорой глубоких культурных, поведенческих различий. Пейоративность здесь помогает фиксировать отношения «свой / чужой»: устойчивый термин для «чужих» отделяет от них свой народ, участвует в формировании собственного самосознания [Грищенко, Николина], [Доля: 215–218].

Популярность адресованного духовенству «гастрономического» пейоратива может косвенно указывать на глубокие, передаваемые из поколения в поколение культурные различия, сложившиеся в Российской империи между духовным чином и другими сословиями, а также внутри духовенства как общества в миниатюре с большой дистанцией между иереями и причетниками.

Примечания

- ¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1981. Вып. 8. С. 147–149.
- ² Стоглав. Казань, 1862. С. 75, 101.
- ³ Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений), содержащий в себе объяснения малопонятных слов и выражений, встречающихся в церковно-славянских и древне-русских рукописях и книгах / сост. свящ. Г. Дьяченко. М., 1900. С. 276.
- ⁴ Словарь Академии Российской. СПб., 1792. Ч. 3. Стб. 1097.
- ⁵ Тихонравов Н. С. Летописи русской литературы и древности. М., 1859. Т. 2. Паг. 2. С. 44–49; ср.: Франко І. Зібрання творів у 50 томах. К., 1982. Т. 36. С. 367, 374–375.
- ⁶ Поэты XVIII в. Л., 1972. Т. 1. С. 354.
- ⁷ Решетников Ф. М. Между людьми. Повести, рассказы и очерки. М., 1985. С. 368.
- ⁸ Словарь Академии Российской. СПб., 1792. Ч. 3. Стб. 1097; Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1814. Ч. 3. Стб. 500; Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению; или Этимологический лексикон русского языка / сост. Ф. Рейфом. СПб., 1835. Т. 1. С. 485.
- ⁹ Пословицы русского народа: сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. В. Даля. М., 1862. С. 765, 781.
- ¹⁰ Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1980. Вып. 16. С. 167–168, 178.
- ¹¹ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1982. Т. 4. С. 60.
- ¹² Там же. Т. 5. С. 62.
- ¹³ Подъячев С. По этапу (наброски) // Русское богатство. 1903. № 6. С. 6–7.
- ¹⁴ Пословицы русского народа. С. 780–782.
- ¹⁵ Там же. С. 780–782.
- ¹⁶ Фонвизин Д. И. Сочинения. Полное собрание оригинальных произведений. СПб., 1902. С. 71.
- ¹⁷ Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1847. Т. 2. С. 240.
- ¹⁸ Мельников П. И. (Андрей Печерский). Полн. собр. соч. СПб.; М., 1897. Т. 2. С. 171.
- ¹⁹ Там же. С. 260.
- ²⁰ Аксаков С. Т. Собр. соч. СПб., 1909. Т. 3. С. 23–24.
- ²¹ Писемский А. Ф. Полн. собр. соч. СПб.; М., 1895. Т. 9. С. 131.
- ²² Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1957. Т. 26. С. 32. См. также: Т. 12. С. 564.
- ²³ Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. СПб., 1894. Т. 6. С. 404.
- ²⁴ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М., 1938. Т. 10. С. 170.
- ²⁵ Прыжов И. Г. Очерки, статьи, письма. М.; Л., 1934. С. 244.

- ²⁶ Цит. по: Панаева А. Я. (Головачева) Воспоминания // Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 177.
- ²⁷ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары. Пг., 1917. Т. 1: Детство и юность (1827–1855 гг.). С. 51.
- ²⁸ Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): pro et contra. СПб.: РХГА, 1997. С. 22.
- ²⁹ Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: в 30 т. М., 2000. Т. 7. С. 505.
- ³⁰ Лесков Н. С. Собр. соч.: в 11 т. М., 1957. Т. 4. С. 57.
- ³¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: в 9 т. М., 1964. Т. 9. С. 68.
- ³² Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1. Стб. 1559.
- ³³ Великий лицедей. Рассказы, дневники, воспоминания. М., 2002. С. 12, 107.
- ³⁴ Памятники культуры. Новые открытия. 1987. М., 1988. С. 80.

Список литературы

1. Белоусов А. Ф. Образ семинариста в русской культуре и его литературная история: от комических интермедий XVIII века — до романа Надежды Хвощинской «Баритон» // Традиция в фольклоре и литературе. СПб., 2000. С. 159–176.
2. Грищенко А. И., Николина Н. А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2006. С. 175–187.
3. Доля А. Б. Этнические прозвища в английском и русском языках: мотивационный аспект // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2016. Т. 1. № 1. С. 214–224.
4. Земская Е. А. Из истории русской литературной лексики XIX века // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 4. С. 49–52.
5. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Институт языкознания АН СССР, Волгоград. пед. институт, 1991. 495 с.
6. Коваленко Е. В. Языковая актуализация пейоративной оценки: на материале английского языка. Новосибирск: НВИ войск нац. гвардии, 2017. 121 с.
7. Козеллек Р. Введение // Словарь основных исторических понятий: избранные статьи: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2014. Т. 1. С. 23–44.
8. Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс. Православное сельское духовенство России во второй половине XIX — начале XX в. М.: Новый хронограф, 2002. 253 с.
9. Лескина С. В. Русские и английские фразеологизмы пейоративной семантики как отражение языковой картины мира. Челябинск: Атоксо, 2009. 148 с.

10. Мангилева А. В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX — начале XX в. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 480 с.
11. Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / пер. с англ. А. Ю. Полунова. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 448 с.
12. Миронов Б. Н. Российская империя. От традиции к модерну: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1. 896 с.
13. Морозов П. О. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб.: Тип. В. Демакова, 1889. 438 с.
14. Родионов О. А. Колливады // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2014. Т. 36. С. 323–335.
15. Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. М.: Наука, 1972. 376 с.
16. Freeze G. The Russian levites. Parish Clergy in the Eighteenth Century. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1977. 325 p.
17. Freeze G. The Parish clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1983. 507 p.

References

1. Belousov A. F. The Seminarian Image in Russian Culture and its Literary History: from Comedic Interludes of the 18th Century to the Novel “Baritone” by Nadezhda Khvoshchinskaya. In: *Traditsiya v fol'klоре i literature [The Tradition in Folklore and Literature]*. St. Petersburg, 2000, pp. 159–176. (In Russ.)
2. Grishchenko A. I., Nikolina N. A. Expressive Ethnonyms as Signs of Hate Speech. In: *Yazyk vrazhdy i yazyk soglasiya v sotsiokul'turnom kontekste sovremennosti [The Language of Hostility and the Language of Consent in the Socio-Cultural Context of Modernity]*. Yekaterinburg, Ural State University Publ., 2006, pp. 175–187. (In Russ.)
3. Dolya A. B. Ethnic Slurs in the English and Russian Languages: Motivational Aspect. In: *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy [Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies]*, 2016, vol. 1, no. 1, pp. 214–224. (In Russ.)
4. Zemskaya E. A. From the History of Russian Literary Language of the 19th Century. In: *Materialy i issledovaniya po istorii russkogo literaturnogo yazyka [Materials and Research on the History of Russian Literary Language]*. Moscow, Leningrad, the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957, vol. 4, pp. 49–52. (In Russ.)
5. Karasik V. I. *Yazyk sotsial'nogo statusa [The Language of Social Status]*. Moscow, the Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR Publ., Volgograd Pedagogical Institute Publ., 1991. 495 p. (In Russ.)
6. Kovalenko E. V. *Yazykovaya aktualizatsiya peyorativnoy otsenki: na materiale angliyskogo yazyka [The Linguistic Actualization of Pejorative Assessment: on the Materials of English]*. Novosibirsk, Novosibirsk Military Institute of

- the Internal Troops Named After General of the Army I. K. Yakovlev of the Ministry of the Interior of the Russian Federation Publ., 2017. 121 p. (In Russ.)
7. Kozellek R. The Introduction. In: *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatiy: izbrannye stat'i: v 2 tomakh* [Dictionary of Basic Historical Concepts: Selected Articles: in 2 Vols]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014, vol. 1, pp. 23–44. (In Russ.)
 8. Leont'eva T. G. *Vera i progress. Pravoslavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v.* [Faith and Progress. The Orthodox Rural Clergy of Russia in the Second Half of the 19th — Early 20th Century]. Moscow, Novyy khronograf Publ., 2002. 253 p. (In Russ.)
 9. Leskina S. V. *Russkie i anglijskie frazeologizmy peyorativnoy semantiki kak otrazhenie yazykovoy kartiny mira* [Russian and English Phraseologisms of Pejorative Semantics as a Reflection of the Linguistic Picture of the World]. Chelyabinsk, Atokso Publ., 2009. 148 p. (In Russ.)
 10. Mangileva A. V. *Sotsiokul'turnyy oblik prikhodskogo dukhovenstva Permskoy gubernii v XIX — nachale XX v.* [Socio-Cultural Image of the Parish Clergy of the Perm Province in the 19th — Early 20th Centuries]. Ekaterinburg, The Ural Federal University Publ., 2015. 480 p. (In Russ.)
 11. Manchester L. *Popovichi v miru: dukhovenstvo, intelligentsiya i stanovlenie sovremennogo samosoznaniya v Rossii* [Priests Sons in the World: the Clergy, the Intelligentsia and the Formation of Modern Identity in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 448 p. (In Russ.)
 12. Mironov B. N. *Rossiyskaya imperiya. Ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: From Tradition to Modernity]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2014, vol. 1. 896 p. (In Russ.)
 13. Morozov P. O. *Istoriya russkogo teatra do poloviny XVIII stoletiya* [History of the Russian Theater Until Half of the 18th Century]. St. Petersburg, Tipografiya V. Demakova Publ., 1889. 438 p. (In Russ.)
 14. Rodionov O. A. The Kollyvades. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Tserkovno-nauchnyy tsentr Pravoslavnaya entsiklopediya Publ., 2014, vol. 36, pp. 323–335. (In Russ.)
 15. *Russkaya dramaturgiya posledney chetverti XVII i nachala XVIII v.* [Russian Dramaturgy of the last Quarter of the 17th and Early 18th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 376 p. (In Russ.)
 16. Freeze G. *The Russian Levites. Parish Clergy in the Eighteenth Century*. Cambridge, Harvard University Press Publ., 1977. 325 p. (In English)
 17. Freeze G. *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton, Princeton University Press Publ., 1983. 507 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Запальский Глеб Михайлович, *Gleb M. Zapalsky*, PhD (History), кандидат исторических наук, приглашенный сотрудник Лаборатории исследований церковных институций, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Лихов пер., д. 6, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 127051); ORCID: 0000-0002-5109-1032; e-mail: zapalsky@mail.ru.

Gleb M. Zapalsky, PhD (History), Visiting Fellow of the Laboratory for Research of Church Institutions, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities (Likhov pereulok, 6/1, Moscow, 127051, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-5109-1032; e-mail: zapalsky@mail.ru.

Поступила в редакцию / **Received** 06.07.2021

Поступила после рецензирования и доработки / **Revised** 02.09.2021

Принята к публикации / **Accepted** 15.09.2021

Дата публикации / **Date of publication** 15.11.2021